

Форель Огюст

Гипнотизм и лечение внушением

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 61
ББК 5
О-36

О-36 **Огюст Ф.**
Гипнотизм и лечение внушением / Форель Огюст – М.: Книга по Требованию, 2024. –
255 с.

ISBN 978-5-521-28553-2

ISBN 978-5-521-28553-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

1. Сознание и гипотеза идентичности (Монизмъ).

Для уразумѣнія гипнотизма должно уяснить себѣ, что такое «сознание». Явленія гипнотизма, происходящія въ нашей душѣ, представляютъ собою постоянную смѣну то «сознательнаго», то видимо «безсознательнаго». Но именно эта смѣна и доказываетъ лучше всего, что терминъ «безсознательное» — не точенъ и не соответствуетъ дѣйствительности.

Необходимо, слѣдовательно, — во избѣжаніе праздныхъ споровъ и опасности «увлечься теологіей по рецепту Гетевского Мефистофеля» — условиться относительно того, что представляетъ собою неопредѣленное, относящееся къ содержанію сознанія, понятіе «психическій». Въ словѣ «психическій» смѣшиваютъ безъ разбору два понятія: 1. Абстрактное понятіе «интроспекціи» или субъективизма, т. е. наблюденія изнутри, которыя каждый субъектъ производитъ и можетъ производить лишь въ себѣ и относительно себя самого. Для этого понятія мы сохраняемъ терминъ «сознаніе». 2. «Дѣятельный элементъ» души, т. е. то, что обуславливаетъ содержаніе сознанія. Это ошибочно принято было за сознаніе въ обширномъ смыслѣ — отсюда и произошла та путаница въ понятіяхъ, которая сознаніе рассматриваетъ, какъ свойство души. Молекулярную волну дѣятельности нервныхъ элементовъ я назвалъ «нейрокизмомъ».

О сознаніи другихъ людей мы можемъ судить не иначе, какъ путемъ заключеній по аналогіи; столь-же мало мы вправѣ были-бы говорить о сознаніи забытыхъ явленій. Область нашего сознанія находится въ постоянномъ движеніи. Явленія въ ней возникаютъ и исчезаютъ. Съ помощью памяти, многія явленія, въ данный моментъ повидимому не создаваемые, чрезъ посредство ассоціацій, снова могутъ быть, съ большимъ или меньшимъ трудомъ, вовлекаемы въ кругъ сознанія. Уже одинъ опытъ самонаблюденія экспериментально доказываетъ намъ, что многія явленія, представляющіяся находящимися внѣ нашего сознанія, все таки сознаются или создавались нами. Да, извѣстныя чувственные ощущенія остаются въ моментъ ихъ возникновенія скрытыми отъ нашего обычнаго, верхняго сознанія, въ область котораго они вводятся только впоследствии. Цѣлые ряды дѣятельныхъ состояній мозга (сны, сомнамбулизмъ или второе со-

знание) въ обыкновенныхъ случаяхъ повидимому исключены изъ области верхняго сознанія, но затѣмъ путемъ внушенія или какимъ-нибудь инымъ путемъ ассоціируются съ воспоминаемымъ содержаніемъ послѣдняго. Во всѣхъ такихъ случаяхъ «видимо безсознательное» оказывается все таки сознательнымъ. Названныя явленія привели ко многимъ мистическимъ толкованіямъ. Одно очень простое предположеніе, однако, легко объясняетъ ихъ. Предположимъ—и это вполнѣ соответствуетъ наблюденіямъ,—что области изнутри наблюдаемыхъ дѣятельныхъ состояній мозга отграничиваются такъ наз. ассоціаціонными или диссоціаціонными процессами, т. е. что онѣ не могутъ быть всѣ сразу приводимы въ дѣятельную связь другъ съ другомъ и что, слѣдовательно, все, что представляется намъ безсознательнымъ, въ дѣйствительности является объектомъ сознанія, т. е. субъективнаго рефлекса, — то получится слѣдующее: наше обычное бодрствующее сознаніе—не болѣе какъ внутренній субъективный рефлексъ тѣснѣ связанныхъ другъ съ другомъ дѣятельныхъ состояній вниманія, т. е. интенсивнѣе во время бодрствованія концентрируемыхъ максимумовъ извѣстныхъ дѣятельныхъ состояній большого мозга. Имѣются еще другіе виды сознанія, частью забытые, частью находящіеся въ слабой или косвенной связи съ содержаніемъ верхняго сознанія, которые въ противоположность «верхнему» называютъ «нижнимъ» сознаніемъ. Послѣднему соответствуютъ иныя, слабѣе концентрируемыя или иначе ассоціируемыя дѣятельныя состоянія большого мозга. Для подкорковыхъ (нисихихъ) мозговыхъ центровъ должно допустить дальнѣйшіе, находящіеся въ еще болѣе отдаленной связи, виды нижняго сознанія и т. д.

Легко установить, что максимумъ нашей психической дѣятельности, вниманіе, перескакиваетъ каждую минуту отъ одного воспріятія или одной мысли къ другой. Различные объекты вниманія, каковы зрительныя или слуховыя образы, волевые импульсы, чувства или абстрактныя идеи возникаютъ—это вѣтъ сомнѣнія—въ различныхъ участкахъ мозга или комплексахъ нейроновъ. Вниманіе можно такимъ образомъ уподобить функціональной, блуждающей въ мозгу *tasula lutea*, блуждающему максимуму интенсивнѣйшей дѣятельности нейрокима. Но съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что и другія психическія явленія, находящіеся вѣтъ сферы вниманія, также сознаются нами, хотя и слабѣе. Наконецъ, «психикой», т. е. содержаніемъ сознанія, считается, какъ извѣстно, и все, нѣкогда сознававшееся нами, хотя уже болѣе или менѣе забытое. Съ теоретической точки зрѣнія это кажется вполнѣ понятнымъ. На самомъ-же дѣлѣ имѣется безчисленное множество явленій, которыя едва только на одно мгновеніе вспыхиваютъ въ нашемъ сознаніи, съ тѣмъ чтобы затѣмъ совершенно исчезнуть изъ него. Здѣсь, а не въ ярко и повторно сознаваемыхъ «психомахъ»—да простится намъ этотъ терминъ, которымъ мы краткости ради запросто обозначаемъ всякую психическую

единицу—должно искать переходъ отъ сознательнаго къ видимо безсознательному. Но и здѣсь слабость сознанія—только кажущаяся: въ содержаніи сильно отклоненнаго вниманія внутренній рефлексъ тѣхъ явленій даетъ лишь слабый отзвукъ. Но это отнюдь еще не доказываетъ, что подобныя полусознаваемые явленія и сами по себѣ такъ слабо сознаются нами. Вспыхнувшей искры вниманія достаточно, чтобы въ послѣдствіи сдѣлать ихъ вполне ясно сознаваемыми. Вслѣдствіе отклоненія вниманія ослабляется лишь все больше ихъ связь съ цѣпью максимумовъ дѣятельнаго состоянія, обычно представляющихъ собою воспоминаемое содержаніе нашего верхняго сознанія. Но чѣмъ слабѣ подобныя полусознаваемые явленія связаны съ послѣдними, тѣмъ труднѣе ихъ потомъ чрезъ посредство памяти заново ассоціировать съ главной цѣпью. Такъ обстоитъ дѣло со всѣми снами, всѣми побочными обстоятельствами нашей жизни, всѣми автоматическими привычками, всѣми инстинктами. Но разъ между отчетливо сознаваемымъ и «безсознательнымъ» имѣется полубезсознательная мозговая жизнь, которая такъ слабо сознается нами лишь въ слѣдствіе отклоненія обычной цѣпи воспоминаній, то это несомнѣнно указываетъ на то, что еще одинъ шагъ впередъ можетъ совершенно разорвать и эту слабую связь, а мы все таки не вправѣ будемъ считать а priori безсознательной такую, въ туманѣ отъ верхняго сознанія ускользающую, дѣятельность мозга. Такія, т. е. такъ назыв. безсознательныя мозговія явленія мы краткости и простоты ради относимъ къ области «нижняго сознанія».

Если это предположеніе вѣрно—а за это говорятъ всѣ обстоятельства—то фізіологамъ и лицамъ, занимающимся сравнительной психологіей, не для чего далѣе интересоваться сознаніемъ. Оно само по себѣ вовсе не существуетъ и проявляется лишь благодаря дѣятельности мозга, внутреннимъ рефлексомъ которой оно является. Исчезаетъ эта дѣятельность, оно исчезаетъ вмѣстѣ съ нею ¹⁾; сложна она—оно также сложно; проста она—оно также просто; диссоціирована она—оно также диссоціировано. Сознаніе—лишь абстрактное понятіе, отъ котораго съ отпаденіемъ «сознательной» дѣятельности мозга отпадаетъ всякая сущность. Слѣдовательно, съ субъективной точки зрѣнія, всякая проявляющаяся въ зеркалѣ сознанія мозговая дѣятельность возникаетъ въ ней, какъ суммарный синтезъ, который все болѣе усложняется по мѣрѣ пріобрѣтанія, путемъ привычки и упражненія, вышихъ представленій и абстракцій, такъ что детали (наприм. при чтеніи), равнѣе сознававшіяся, въ послѣдствіи переходятъ въ область нижняго сознанія и цѣлое представляется психической единицей.

Психологія такимъ образомъ не можетъ удовольствоваться однимъ

¹⁾ Не существуетъ бездѣятельнаго, безсодержательнаго сознанія. Тогда остается лишь одно абстрактное понятіе.

изученіемъ, путемъ интроспекціи, явленій нашего верхняго сознанія, ибо она была бы тогда невозможна. Каждый имѣлъ-бы тогда только психологію своего субъективизма, по примѣру древнихъ схоластиковъ-спиритуалистовъ, и долженъ былъ бы подвергнутъ даже сомнѣнію существованіе вѣшняго міра и другихъ сочеловѣковъ. Аналогіи, естественно-научная индукція, сравненіе опыта нашихъ пяти чувствъ доказываютъ, однако, существованіе вѣшняго міра, другихъ сочеловѣковъ и ихъ психологіи, а также и существованіе сравнительной психологіи, психологіи животныхъ. Наконецъ, такая субъективная психологія, взятая независимо отъ нашей мозговой дѣятельности, есть нѣчто непонятное, полное противорѣчій и прежде всего, повидимому, противорѣчащее закону сохраненія энергіи.

Изъ всѣхъ этихъ довольно простыхъ соображеній вытекаетъ далѣе, что психологія, игнорирующая дѣятельность мозга, — бессмыслица. Содержаніе нашего верхняго сознанія постоянно опредѣляется и обуславливается дѣятельностью мозга, свойственной степенямъ нижняго сознанія. Безъ этой дѣятельности оно вовсе не можетъ быть понято. Съ другой стороны значеніе и смыслъ сложной организаціи нашего мозга во всей полнотѣ уясняются намъ лишь тогда, когда мы разсматриваемъ ее во внутреннемъ освѣщеніи нашего сознанія и подобныя наблюденія обогащаемъ сравнительными наблюденіями надъ содержаніемъ сознанія у другихъ людей, наблюденіями, которыя, благодаря звуковой и письменной рѣчи, могутъ производиться нами съ помощью весьма детальныя аналогій. Душу такимъ образомъ должно изучать одновременно и извнутри и извнѣ. Внѣ насъ самихъ первое, правда, можетъ быть осуществляемо лишь съ помощью аналогій, но этимъ единственнымъ средствомъ, которымъ мы располагаемъ, мы должны пользоваться.

Кто-то сказалъ, что языкъ данъ человѣку не для выраженія, но для скрыванія своихъ мыслей. Кромѣ того различные люди, даже и вполне совѣстливые, приписываютъ, какъ извѣстно, однимъ и тѣмъ-же словамъ весьма различное значеніе. Ученый, художникъ, крестьянинъ, женщина, дитя, дикій пейлонскій ведда толкуютъ одни и тѣ-же слова того-же языка совершенно различно. Но и тотъ-же самый субъектъ толкуетъ ихъ различно, смотря по своему настроенію и по ихъ связи. Изъ этого вытекаетъ, что психологу и особенно психиатру — я говорю здѣсь въ качествѣ такового — мимика, взгляды и поступки человѣка зачастую лучше раскрываютъ внутренній міръ его, чѣмъ то, что онъ говоритъ. Поэтому жесты и дѣйствія животныхъ означаютъ собою «языкъ», психологической цѣнностью котораго отнюдь не слѣдуетъ пренебрегать. Далѣе, анатомія, фізіологія и патологія мозга, какъ у человѣка, такъ и у животныхъ, неопровержимо доказали намъ, что наши душевныя особенности находятся въ зависимости отъ качества, коли-

чества и цѣлости живого мозга, съ которымъ онѣ составляютъ нѣчто единое. Какъ не существуетъ живого мозга безъ души, такъ не существуетъ и души безъ мозга и каждому нормальному или патологическому измѣненію душевной дѣятельности соответствуетъ нормальное или патологическое измѣненіе дѣятельности нейрокимовъ мозга, т. е. нервныхъ элементовъ. Все, что мы воспринимаемъ интроспективно въ своемъ сознаніи, есть слѣдовательно дѣятельность мозга.

Такимъ образомъ въ основаніе вопроса объ отношеніи чистой психологіи (интроспекции) къ физиологіи мозга (изученіе дѣятельности мозга извнѣ) мы полагаемъ теорію идентичности,—по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока она не будетъ противорѣчить фактамъ. Терминомъ «идентичность или монизмъ» мы выражаемъ слѣдовательно то, что всякое психологическое явленіе образуетъ съ лежащею въ основѣ его молекулярною или нейрокимовою дѣятельностью мозговой коры одну и ту-же реальную вещь, которая разсматривается только съ двухъ сторонъ. Дуалистично только явленіе, вещь-же наоборотъ,—монистична. Еслибъ дѣло обстоило иначе, то присоединеніе къ элементу соматическому или церебральному элемента чисто психическаго могло-бы дать плюсь энергіи, что противорѣчило-бы закону сохраненія силъ. Нарушеніе этого закона, однако, нигдѣ еще не было доказано и стало-бы въ рѣзкое противорѣчіе со всѣмъ опытомъ науки. Въ явленіяхъ нашей мозговой жизни, какъ они ни чудесны, не сокрыто ничего такого, что противорѣчило-бы естественнымъ законамъ и побуждало бы прибѣгнуть къ какой-то мистической, сверхъестественной «душѣ».

Исходя изъ этихъ соображеній, я говорю о монистическомъ тождествѣ, а не о психо-физиологическомъ параллелизмѣ. Вещь не можетъ быть параллельна самой себѣ. Правда, психологи новѣйшей школы разумѣютъ подъ этимъ лишь предположительный параллелизмъ явленій, оставляя вопросъ о монизмѣ или дуализмѣ непредрѣшеннымъ. Но такъ какъ многіе центральные нервныя процессы находятся внѣ сферы и физиологическаго и психологическаго наблюденія, то явленія, доступныя обоимъ методамъ изслѣдованія, отнюдь не параллельны, но весьма неодинаково отдѣлены другъ отъ друга промежуточными процессами. Параллелизмъ такимъ образомъ только—теоретическое предположеніе. А разъ дуалистическая гипотеза, съ точки зрѣнія научной критики, оказывается несостоятельною, то въ основу всѣхъ разсужденій вполнѣ дозволительно положить гипотезу идентичности.

Ясно, вѣдь, до очевидности, что одно и то-же явленіе въ нервной системѣ животнаго, скажемъ моей, будучи наблюдаемо мною самимъ, но спачала съ помощью внѣшнихъ физиологическихъ методовъ, и затѣмъ отражаясь само собою въ моемъ сознаніи, должно мнѣ представляться въ совершенно другомъ видѣ, и напрасный былъ-бы трудъ физиологиче-

скій феноменъ превращать въ психическій и наоборотъ. Психическій феноменъ не можетъ быть превращаемъ въ другой, хотя-бы даже въ отношеніи воплощаемой обоими реальности, какъ напр. звуковое, зрительное и осязательное ощущение, которое одно и тоже-же колебаніе вызываетъ въ трехъ соответствующихъ органахъ чувствъ. Тѣмъ не менѣе мы путемъ индукціи вправѣ заключить, что эта—одна и та-же реальность, одно и то-же колебаніе, олицетворяющееся въ трехъ качественно столь различныхъ видахъ, иначе говоря, вызывающее у насъ три различныхъ, непереводимыхъ другъ въ друга психическія впечатлѣнія. Послѣднія возникаютъ въ различныхъ частяхъ мозга и, какъ таковыя, реально отличаются одно отъ другого.

О психо-физиологической идентичности мы говоримъ лишь съ одной стороны въ отношеніи корковыхъ нейрохимовъ, непосредственно обусловливающихъ извѣстныя явленія сознанія, и съ другой—въ отношеніи самихъ этихъ явленій сознанія.

Въ дѣйствительности предполагаемая дуалистическая душа можетъ быть или съ энергіей или безъ таковой. Если ее предположить лишенной энергіи, т. е. независимой отъ закона силъ, то тогда мы вступимъ въ область чудесъ, въ которой можно по усмотрѣнію нарушать и устранять естественный законъ. Если-жъ ее предположить содержащей энергію, то это будетъ только игра словъ, ибо душа, подчиняющаяся закону энергіи, есть лишь часть мозговой дѣятельности, произвольно вырванная изъ связи съ цѣлымъ,—часть, которой «психическій характеръ» присваивается лишь затѣмъ, чтобы тотчасъ же снова отнять его отъ нея. Энергія можетъ подвергаться только качественнымъ, а не количественнымъ превращеніямъ. Предполагаемая дуалистическая душа такимъ образомъ, если-бы она подчинялась закону силъ, должна была-бы перейти цѣликомъ въ другую форму энергіи. Но тогда она не была бы болѣе дуалистической, т. е. отличной отъ самихъ мозговыхъ процессовъ.

Изъ послѣдователей древняго метафизическаго монизма *Бруно и Спинозы* должно вспомнить великаго, къ сожалѣнію, слишкомъ скоро забытаго, *Карла Фридриха Бурдаха* (*Vom Baue und Leben des Gehirnes*. III T., Leipzig 1826 стр. 141 и т. д.), котораго я цитировалъ въ 1892 году (*Suggestionstheorie und Wissenschaft* въ *Zeitschrift für Hypnotismus*). Покорнѣйше прошу прочесть это мѣсто. Какъ изслѣдователь мозга, *Бурдахъ* доказалъ съ научною и философскою ясностью единство мозга и души. На его идеяхъ покоится ученіе *Мейнерта*. Онъ не имѣлъ только данныхъ современной нормальной и патологической анатоміи и гистологіи мозга, равно какъ новѣйшихъ экспериментовъ на животныхъ, которыя въ общихъ чертахъ вполне подтверждаютъ его идеи.

Подъ монизмомъ мы, въ противоположность дуализму, разумѣемъ такимъ образомъ единство «мозга и души» въ смыслѣ психо-физиологиче-

ской идентичности. Если-бъ только достовѣрно можно было доказать, что нѣчто «духовное», т. е. «нематеріальное» существуетъ безъ матеріальнаго субстрата, то была-бы доказана наличность дуализмаг

Подъ матеріализмомъ мы, наоборотъ, разумѣемъ такое міровоззрѣніе, которое разсматриваетъ матерію, какъ міровую потенцію, такъ сказать, какъ божество, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что матерію мы знаемъ только въ ея проявленіяхъ, а о существѣ ея намъ ничего не извѣстно, такъ что и она—не болѣе, какъ абстрактное понятіе.

Изъ душъ каждый изъ насъ непосредственно знаетъ только свою. Другія человѣческія, а также животныя души мы изучаемъ—съ вѣроятностью, граничащей съ научной достовѣрностью—посредствомъ аналогіи, съ помощью языка, мимики и т. д. Въ виду рѣзкой тенденціи новѣйшаго времени идентифицировать монизмъ и матеріализмъ, что вызываетъ большую смуту въ умахъ, мы должны нѣсколько остановиться на этомъ вопросѣ.

Вопросъ о монизмѣ и дуализмѣ—отнюдь не религіозный и не преюдицируетъ никакой религіозной метафизики. Впрочемъ, смотря по тому, какъ его рѣшаютъ, онъ можетъ послужить базисомъ для таковой. Но самъ по себѣ онъ относится къ другой области.

Религія ставитъ вопросъ о первопричинѣ и конечной цѣли міроздавія. Ея задача—уяснить себѣ характеръ и цѣли міровой воли, т. е. Бога, путемъ откровенія или интуиціи, а также установить отношеніе этой воли спеціально къ человѣку.

Всѣхъ этихъ метафизическихъ, т. е. недоступныхъ познавательной способности человѣка, явленій вопросъ о монизмѣ или дуализмѣ совершенно не касается.

Матеріальная или т. н. объективная сторона явленій и психическая или субъективная сторона ихъ, наоборотъ, представляютъ факты, наблюдаемые нами ежедневно и даже ежесекундно.

Дуализмъ говоритъ: имѣются явленія двоякаго рода: 1) тѣлесныя или матеріальныя, подчиняющіяся естественнымъ законамъ, и 2) психическія или душевныя, находящіяся, правда, въ извѣстномъ отношеніи къ матеріи, но ведущія все таки самостоятельное, независимое отъ послѣдней существованіе. Исходя изъ такой точки зрѣнія, дуализмъ и говоритъ о вліяніи тѣла на душу и души на тѣло, о нематеріальныхъ душахъ и духахъ и о неодушевленной матеріи.

Монизмъ, наоборотъ, заявляетъ: строго говоря, мы знаемъ только одну душу, нашу собственную. Съ другими мы знакомимся лишь по аналогіи. Душа и тѣло—отнюдь не двѣ различныя вещи. Это—только двѣ стороны, два вида проявленія однѣхъ и тѣхъ-же познаваемыхъ нами вещей. *Fechner* выразилъ ту-же мысль слѣдующимъ образомъ: это—математическій кругъ, снаружи представляющійся выпуклымъ, изнутри—

вогнутымъ, и все таки одинъ и тотъ-же кругъ. Монизмъ не можетъ поэтому признавать ни матеріалистической, ни спиритуалистической метафизики, — иначе онъ вступилъ-бы въ противорѣчіе съ самимъ собою. Для него понятія «матерія» и «душа», какъ только ихъ противопоставляютъ другъ другу, — термины, лишенные содержанія, ложно истолковываемые. Это — абстрактныя фикціи, произвольно вырванныя человѣкомъ изъ цѣпи явленій и сами по себѣ лишенныя всякой фактической подкладки. Все равно, «физиологическое» или «психологическое», каждое явленіе имѣетъ для насъ и *психологическую* и *физиологическую* сторону. О столѣ, о рефлексѣ, объ отрицательномъ колебаніи тока и т. п. я, вопреки всякой наукѣ, знаю лишь свои субъективныя ощущенія и свое, основанное на сочетаніи ихъ представленіе, приведшее меня къ мысли о существованіи внѣшняго міра. То-же самое должно сказать о моемъ мысленіи, чувствованіи и хотѣніи, о боли, рѣшеніи, «любви» и т. д. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ «психологическая сторона» — непосредственное явленіе, «физиологическая-же» или «объективная» — наоборотъ, цѣпь явленій болѣе отдаленная, контролируемая и раскрываемая лишь съ помощью другихъ чувствъ и заключеній. Однако, послѣ того какъ ближайшее изученіе мозга и психофизиологія доказали намъ, что никакого непосредственнаго явленія сознанія безъ дѣятельности мозга не имѣется и что мы даже во время акта чувствованія, мысленія и хотѣнія очень хорошо ощущаемъ усилія и дѣятельность мозга, стало очевидно, что всякое чисто внутреннее психологическое явленіе имѣетъ и свою физиологическую сторону, движеніе матеріальнаго субстрата въ мозгу. Словомъ, не существуетъ ничего «психическаго» безъ «физическаго», и еслибъ мы могли освѣтить то, что находится внѣ нашего «я», мы по всей вѣроятности нашли-бы, что не существуетъ и ничего «физическаго» безъ «психическаго». Метафизическій монизмъ идетъ, однако, еще дальше: какъ не существуетъ матерія безъ энергіи и энергіи безъ матеріи, такъ въ мірѣ навѣрное не существуетъ ничего «неодушевленнаго» ¹⁾.

Явленіе интроспекціи — только внутренній рефлексъ всякаго феномена, внѣшняя сторона котораго представляется намъ въ видѣ движущейся матеріи съ ея энергіями. Отдѣлить эту внутреннюю сторону отъ внѣшней и наоборотъ иначе, какъ пустыми словонаверженіями, до сихъ поръ не удалось еще никому, да никогда и не удастся, но и созерцать ее, эту внутреннюю сторону, можно единственно только въ себѣ самомъ.

¹⁾ Какъ только слово „душа“ употребляется по отношенію къ неодушевленнымъ предметамъ, тотчасъ-же поднимается буря возраженій: „глупости, бредни о какихъ-то міровыхъ душахъ!“ и т. п. Люди, какъ видно, все еще не могутъ высвободиться изъ сѣтей антропоморфизма и усвоить себѣ, что элементъ внутренняго (психическаго) рефлекса сравнительно съ человѣческой душой долженъ быть такъ-же примитивенъ, какъ атомъ въ сравненіи съ живымъ человѣческимъ мозгомъ.

Чисто научный монизмъ (гипотеза идентичности) не допускаетъ, однако, такихъ широкихъ обобщеній. Онъ довольствуется лишь допущеніемъ тождества между всякимъ доступнымъ непосредственному психологическому наблюденію психическимъ явленіемъ и его такъ наз. физиологическимъ коррелятомъ въ мозгу, а гипотезу одушевленного міра, какъ она ни близка ему, предоставляетъ метафизической спекуляціи.

Не трудно сообразить, что этотъ спорный вопросъ непосредственно не имѣетъ никакого отношенія къ вышеприведеннымъ вопросамъ *религиозной* метафизики. Первопричина и конечная цѣль, свободная эволюція или фатализмъ, затрогиваются имъ столь-же мало, какъ и вопросъ о существѣ Бога. Личное отношеніе божества какъ къ намъ самимъ, такъ и къ остальному окружающему насъ міру, правда, не особенно легко привести въ связь съ монистическимъ воззрѣніемъ. Но и съ другой точки зрѣнія очеловѣченіе идеи Божества едва-ли можетъ быть согласовано съ представленіемъ о всемогущей волѣ.

Впрочемъ, съ нѣкоторыми религиозными догматами монистическое воззрѣніе вступаетъ въ такую-же коллизію, въ какую нѣкогда вступило съ ними ученіе *Коперника* о солнечной системѣ. Эти догматы завладѣли научными, доступными человѣческому познаванію, вопросами и пользовались ими для своихъ религиозныхъ системъ. А представители послѣднихъ не могутъ примириться съ тѣмъ, что нынѣ эти вопросы оспариваются у нихъ наукою. Вотъ здѣсь-то и «зарыта собака»!

Къ границамъ-же научнаго знанія вопросъ: «*монизмъ*» или «*дуализмъ*» болѣе всего приблизило непосредственное изслѣдованіе центральной нервной системы человѣка и животныхъ, а также ея нормальныхъ и патологическихъ функцій.

Что прежнимъ туманнымъ воззрѣніемъ представлялось въ видѣ нематеріальной души (приблизительно какъ дикарямъ молнія, въ видѣ *dei ex machina*), нынѣ все съ большей очевидностью оказывается, отъ А до Z, внутренней стороной нашей мозговой дѣятельности. Всѣ попытки—часть души, въ качествѣ ядра ея, изолировать отъ мозговой дѣятельности, сдѣлать независимой отъ живого мозгового вещества, потерпѣли полное фіаско: съ каждымъ днемъ совершенствующіяся и количественно увеличивающіяся наблюденія все очевиднѣе выясняютъ неразрывность всѣхъ нормальныхъ и патологическихъ душевныхъ явленій съ цѣлостью ихъ органа.

Однако, главная трудность, казалось, заключается еще въ темной области такъ наз. *безсознательной мозговой жизни*. *Fechner-Weber'*овскій законъ яко-бы противорѣчитъ ей. Обнаружены факты несовпаденія между явленіями сознанія и наблюдавшимися и измѣрявшимися физиологическими результатами.

Это объясняется просто тѣмъ, что между этими измѣренными физио-

логическими результатами и теми частями большого мозга, где сосредоточивается наша сознательная (психическая) жизнь, находятся еще многочисленные аппараты (мозговые центры), деятельность которых не сознается нами (находится вне области верхнего сознания). Деятельность эта может парализовать и возбуждать, задерживать и направлять, тем самым неизбежно искажать результаты психо-физиологических измерений, основанных на законе *Fechner*'а. Прежде всего должно остерегаться слишком категорических выводов. Между прочим обнаруживается: 1) что та интенсивнейшая деятельность большого мозга, которая несомненно соответствует явлению внимания, сопровождается и наиболее ясным, интенсивнейшим сознанием; 2) что очевидно и интенсивность и 3) продолжительность деятельности мозга способствует возникновению субъективно познаваемого нами сознания. Последнее вытекает уже с большой вероятностью из результатов известных психометрических исследований, показавших, насколько видимо бессознательные реакции совершаются быстрее сознательных. 4) Все необычное, все, к чему деятельность мозга еще неподготовлена, чего она еще не успела совсем или достаточно прочно усвоить, вызывает с ее стороны реакции, сопровождающиеся более интенсивным верхним сознанием. Можно сказать даже, что шок, трение, антагонизм, пластическое превращение, вызывают или усиливают в динамике мозга явления верхнего сознания. Толчкообразная нервная деятельность сопровождается, по видимому, более сильными проявлениями верхнего сознания. 5) В зеркале сознания, т. е. субъективно, всякая деятельность мозга представляется единицей, — тем, что философы называют состоянием сознания, хотя более глубокое изучение психологии и особенно психофизиологии доказывает нам, что пресловутые «единицы» — необыкновенно сложны, т. е. состоят из чрезвычайно сложных составных частей и во времени и в пространстве. Представим себе только то, что мы разумем под представлением (например, часов), все равно, вызвано ли оно галлюцинацией или созерцанием действительных часов. Пример зрительного представления — особенно доказателен, ибо, как это установлено прямыми наблюдениями, слепорожденные, прозревающие в позднейшем возрасте после операции катаракты, вначале вместо зрительных представлений получают лишь хаос цветовых ощущений, и много времени проходит, пока они научаются видеть (т. е. воспринимать), но тем не менее они никогда не усваивают этой способности настолько, чтобы обходиться без помощи других органов чувств, главным образом осязания и слуха. Даже и простейшее для нас ощущение несомненно представляет сложный физиологический комплекс (*Höfding*). Для раскрытия действительно примитивных, простых ощущений, мы должны были-бы спуститься до степени развития новорожденного (независимо